

Консультативный приём идёт своим чередом. В кабинет входит молодая женщина, девушка, лет двадцати, не более.

После традиционного обоюдного приветствия мгновенно осматриваю её всю, одномоментно, не избыточно акцентируя внимания на деталях. Её фигура соответствует молодости, а одежда и обувь говорят об очень хорошем вкусе. Она гармонична и изящна. Из всего её безупречного облика сразу отметились глаза — с очень голубой радужкой, неподвижностью, какой-то искусственностью, пожалуй, кукольностью. Это притягивало, смущало, поражало своей неестественностью, одновременно привлекало всё внимание в основном к глазам вошедшей.

Глаза — самый доступный для осмотра орган. Учитывая, что с годами степень моей психологической профессиональной деформации прогрессивно увеличивается, то, даже не заостряя внимания, сканирование видимого участка глаза — передней склеры, роговицы, радужки, зрачка, подвижности глаз — происходит автоматически, а любые отклонения моментально превращаются в предварительный диагноз, требующий уточнения и построения тактики для последующего устранения дефекта. На это требуются секунды. Колёсики диагностической машины под моей черепной крышкой крутнулись и замерли.

Чтобы не слишком беспокоить своим пристальным вниманием пациентку, отвлекаю её предложением:

* Злокачественная опухоль сетчатки глаза, встречающаяся только у детей до трёх лет. Очень высока степень наследования.

— Проходите, присаживайтесь вот сюда,— указываю на стул справа напротив себя и отмечаю про себя: «Она же не видит. Совсем».

Девушка плавно вытянула немного вперёд перед собой левую руку, как это делают слепые люди в незнакомой обстановке, чтобы не наткнуться на возможное препятствие, и сделала очень осторожный короткий шагок, явно ориентируясь на мой голос.

Я встаю ей навстречу. В этот момент открывается дверь, и в неё быстро входит молодой мужчина. Он также хорошо одет. Лицо насторожённое и одновременно решительное.

— Извините, я с ней.

Девушка поворачивает голову в его сторону.

Он подходит к ней, нежно берёт за вытянутую руку, подводит к стулу и продолжает извиняющимся тоном:

— Мы вместе. Можно, я побуду? Я муж,— утвердительно, с нажимом.

— Конечно, конечно,— подтверждаю я.

Смотрю на титульный лист медицинской карты. Читаю фамилию: «Двоеокая Татьяна...»

Ещё раз перевожу взгляд на чистое, миловидное лицо и понимаю, что вместо глаз у неё косметические протезы! Отменно поработали протезисты. Не зря их полное название — «художник-протезист».

Ирония запредельная. «Двоеокая» не имеет глаз. Ни одного!

Девушка слышит шуршание перелистываемой медицинской карты. Паузы подсказывают ей, где я задержался. Подозреваю, что она знает содержимое каждой страницы.

— Не пугайтесь, доктор. У меня нет глаз. На карте моя девичья фамилия,— невозмутимо и спокойно произносит она, держа «взор» в мою сторону.

— Я понял. Вы меня не напугали, но, пожалуй, смутили. Татьяна, цель сегодняшнего визита ко мне? — задаю ей вопрос.

Надеюсь получить ответ, что её беспокоит состояние полостей орбит. При анофтальме могут быть некоторые проблемы, но их устраняют специалисты по косметическому главному протезированию.

— Доктор, мы пришли посоветоваться,— продолжает она.— Могут ли я рожать?

— Да,— подаёт голос стоящий рядом с ней муж.

— Таня,— я часто перехожу на неформальный тон общения, если передо мной дети, подростки или очень молодые люди, как Татьяна.— Можно, я к вам так буду обращаться?

Татьяна утвердительно кивает в ответ и улыбается мне.

— Так вот, Таня, решение о родах принимаете вы, а о способе родоразрешения — вы совместно с вашим акушером-гинекологом. Моего участия в этом не требуется.

— Доктор, я это понимаю. Но у меня... у нас,— после короткой паузы,— другая проблема. Я не имею глаз с двух лет после ретинобластомы.

После её короткого объяснения я понял вопрос в его простоте и ужасе. И, не переходя к принятому в нашей врачебной среде длинному «выходу из-за печки» при столь деликатных проблемах, как правило, требующих психологической обработки пациента, сразу ответил.

— Очень велик риск генетического наследования опухоли,— безапелляционно заключаю я.

— Но ведь мои родители здоровы, и мой брат, и сестра — они все в порядке,— несколько напряжённым тоном говорит Татьяна.

— Милая Таня, тебе следует обратиться в генетическую консультацию,— сбиваюсь я, переходя на «ты». — Кстати, как вас зовут? — обращаюсь я к мужу Татьяны.

— Александр,— просто ответил он, пристально посмотрел мне в глаза и добавил: — Мы уже были там.

— И что? — не разворачивая вопрос, быстро спросил я, обращаясь сразу к обоим.

Ответила Татьяна:

— Нам сказали так же. Риск больше чем сорок процентов.

Её голос ровный, без эмоций. Муж молчит и только кивает в знак согласия. Его лицо тоже ничего не выражает. Всё выглядит так, как будто они уже репетировали возможный диалог со мной.

— Ну вот вы и получили ответ! — восклицаю я.

— Нет, доктор. Мы решили проконсультироваться с настоящим практикующим врачом с большим стажем. Нам сказали, что вы можете лучше всех ответить.

«Эх, если бы мы отвечали за все свои слова, то обет молчания — самое малое, что грозило бы каждому»,— мысль мелькнула, но не материализовалась в звуке.

Теперь я замечаю их отчётливое волнение. Он нежно кладёт ей свою свободную руку на плечо, став точно позади неё. Чувствуя, как она замерла в ожидании чего-то, он

успокаивающе поглаживает ей правое плечо. Он ловит её эмоции, понимает их на каком-то непостижимом уровне и упреждает прикосновениями к ней. Слепые так «видят».

Меня поражает их тонкая связь. Иначе как телепатией это назвать невозможно.

Она, наклонив голову, прикасается к его руке щекой, на тактильном уровне благодарит его за понимание, посылая ему беззвучное «спасибо». По крайней мере, мне так кажется.

«Так, кто-то назначил меня крайним в этой психологической драме с дилеммой». Я решил промолчать и не уточнять, кто «перевёл стрелку» на меня. Такой полузапрещённый приём иногда оправдан, когда, оберегая себя от излишних терзаний, некоторые коллеги адресуют решение о приговоре третейскому судье, как бы подчёркивая: «Ты гораздо круче меня, сгорая сам — свети другим ты».

Иногда мои пациенты признаются, что всё решает Интернет. Ищут специалиста, находят форум, анализируют отзывы. Если ругают мало и хвалят, то принимают решение о визите, или наоборот.

Перед этой парой, как и всякой двуполой парой, вопрос о необходимости размножения не стоял. Это инстинкт, нормальный закон природы, внесённый даже в библейские мотивы: «Плодитесь и размножайтесь». Всё просто, однако легко породить себе подобного со всеми генетическими отметинами и изъянами, которые подобны минам замедленного действия. Но о них можно узнать, только когда мина уже взорвалась под ногой наступившего на неё, но «оторвала ногу» новорождённому, ни в чём не повинному человеку.

Дилемма.

Быть или не быть?

Казнить нельзя помиловать.

Бифуркация.

Раздвоение.

Но все ответы только с одним решением: или — или...

Им предстояло выбрать: или быть бездетными (что мне казалось вполне разумным), или сыграть в русскую рулетку под названием «судьба не рождённого ещё человека».

Они сыграли в неё.

Могла не беременеть, но забеременела. Могла не рожать, но родила. Ребёнок мог быть здоров, но через два месяца ему был поставлен диагноз: ретинобластома левого глаза.

Вероятнее всего, во время визита ко мне она уже была беременна.